

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ
ДЕНИС СТАРЫЙ

18+

ДУСЬ НЕПОКОРЕННАЯ БРОДНИК

2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Валерий Гуров

Русь непокоренная 2. Бродник

«Автор»

«Автор»

2026

Гуров В.

Русь непокоренная 2. Бродник / В. Гуров — «Автор», «Автор»,
2026

Очнулся — снег чёрный, тела на площади, вороны рвут плоть... Рязань сожжена. Татарва ушла, но их псы-кипчаки добирают уцелевших. А рядом ребёнок с белыми волосами зовёт меня по имени. Говорит, я — ратник Ратмир, что обещал защитить его родных. Я? Вчера я жил в совсем иной эпохе. Сегодня — голый среди мёртвых, но с чужим телом и чужой памятью. Что делать? Ответ один. Русские не плачут, русские бьются. Я поднял меч, собрал вокруг себя тех, кто уцелел, и впервые понял — моё время теперь здесь. Татары думают, что Русь уже покорена. Они ошибаются. Я здесь не для того, чтобы умереть вместе с Рязанью. Я здесь, чтобы начать освободительную войну.

© Гуров В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Денис Старый, Валерий Гуров

Русь непокоренная 2. Бродник

Глава 1

Поселение

5 января 1238 года

Стояли, смотрели друг на друга. Я на людей, ставших против меня. Они же искали поддержки друг от друга. Но решительных не было. Все же мой воспитанник вселял людям страх. Это было видно. Я не боялся, Видана не реагировала на Дюжа. Но вот остальные...

Немая сцена затягивалась. Ситуация патовая. Но по всему видно, что запал людей иссекает. Что им делать? Биться со мной? Так это бессмыслица. Мало того, что отхватят, так еще и не получают ничего. Я людей люблю, я их спасаю. Но... Все же есть предел, в том числе и моему милосердию.

– Знаете, что будет? – спрашивал я, наконец, решив сыграть на том, что якобы умею предвидеть.

Было видно, что люди меня уже не хотят слушать, но вынуждены. Они больше смотрят на Дюжа. И даже не хочется думать о том, что могло бы случиться, если бы его не было за моей спиной. Неужели все же напали бы? Это вряд ли, но некоторые предпочтения, при наличии у меня такого громалы, имеются. Становится ещё более понятным, как ныне покойный Плоскения мог поддерживать свою тиранию в поселении Бродников.

– Услышьте же меня, люди! Не пройдет и двух месяцев, как падёт Владимир, падёт Москва. Если кто-то думал, что можно будет укрыться у черемисов на северо-востоке, так через месяц падут селения до Городца и дальше. Желаете укрыться в Киеве? Или в Чернигове? Так не в этом году, но следующей зимой падут и эти города. И те, кто пришёл сейчас к нам, устремятся и дальше, к венграм и другим немцам, – кричал я, стараясь своим словам добавить таинственности, сыграть на суевериях и религиозности этих людей. – Вижу я, что латиняне походом пойдут на Псков и Новгород. Там же будут и шведы, и даны. Литва бесчинствует в полоцких землях. Мы же здесь пока никому не нужны. Но будем готовить не только своё поселение, но и те места, куда мы сможем уйти, если будет опасность.

– Но как же нам быть? – спрашивал озадаченный Макар. – Ордынцы на юге. Почитай всего в пяти десятках верстах. И пришлые бродники сказали, что ходят по Дону даже и купчины генуэзские.

– Ходили. Кому они нынче будут торговать? Рязани? Коломне? Владимир возьмут, так и гостям торговым нечего там делать. И бродников не трогают ордынцы, – сказал я.

– Так мы и не бродники, – сказала Мила, голос которой дал петуха.

Испугалась? Правильно. Пока еще по-тоненькому ходим.

– Так станем бродниками! Разве же мы не они? Разве серед их мало русичей былых? – продолжал я взывать к людям.

Ну не хотелось мне радикального решения проблемы.

– А мечь? А как нападать станем на ордынцев? – с обидой в голосе сказал Волк.

Молодости часто хочется находить очевидное. Но часто в жизни бывает так, что нужно принимать компромиссные решения. Нужно легализовываться. А мстить? Так будем. И о том всем присутствующим знать не нужно.

– А тебе все воевать! – высказалась бабка Видана, до того молчавшая.

Колебались ли люди? Да, безусловно. И ко мне подходили те, кто хотел выразить поддержку именно моей линии. Оказывается, что таких тоже немало.

Крайне неожиданно было, что, подумав, посмотрев мне прямо в глаза, ко мне, следом за своим братом Митрофаном, ставшим, между прочим, первым, кто вышел из толпы и стал рядом со мной, вышла и Любава. Конечно же, тут же, демонстративно взведя свой арбалет и поправив русский меч на своём генуэзском поясе, подошёл Лучан. Да, он на поселении только из-за рязанской красотики. Ну пусть так. Примем к сведению.

После того, как воспитанники сделали свой выбор, ничего не оставалось деду Макару, кроме как последовать за ними. Он встал со мной, чуть позади. Макар всё же своей первостепенной задачей считал присутствие рядом с Любовью и Митрофаном.

Каким-то образом, я уже и не наблюдал за ним, но Мстивой отмахался от женщин и по дуге прибежал ко мне. Вышла и Беяна, ведя за руку своего трехлетнего сына. Так себе поддержка. Но приятно.

Возможно, услышав, или кто-то рассказал, но в поселение вернулся Лисьяр. И все те пришлые, что были с ним, со своими жёнами, также стали рядом со мной.

Власт оглядывался затравленными глазами по сторонам, ища поддержку. Он уже пробовал пятиться назад, но упёрся спиной в выкаченную вперёд грудь своей жены. И не сказать, что Мила в этот момент всё ещё оставалась такой же агрессивной.

Подошла бабка Ведана. Она посмотрела мне прямо в глаза. Казалось, что даже подмигнула, а потом выкрикнула:

– Пророчество от того, кто был убит, но кто выжил! И перед богами и Господом Богом Христом я свидетельствую в этом. Разве же вы не видите, что никто не помер. А сколь должно было еще при переходах. Опосля, как Господь дал манну небесную народу израилеву, мы нашли еду и не померли. Так отчего разуверились вы? – и голос ведьмы был таков, что пробирало и меня, с надрывом, громким, въедливым.

А потом, когда толпа зашумела и люди стали переглядываться друг с другом, бабка шепнула мне на ухо:

– Если сгубишь людей, прокляну и в аду тебя найду и там убью. А если Беяну обидишь, то и при жизни найду и убью.

– Будешь меня пугать, так сама долго не проживёшь, – в ответ шепнул я женщине, но голос мой не был угрожающим.

Скорее, я лишь слегка одёрнул ведьму.

– А что до половцев? Они придут, – выкрикнула Акулина.

Шепотки прекратились, все уставились на меня, уже молчали и внимали словам, что я произнесу. Страхи еще присутствовали. Но если я такой вот, по словам ведьмы, любимец богов, то должен решать все проблемы на раз. Опасно это. На раз не каждую проблему решишь. А если оступлюсь? Так снова бунт? Нет, нужно будет серьезнее относиться к коллективу, да и наказывать пора. Без наказания нет порядка.

– Отправляюсь на их поиск, ежели я згину... И тогда вы вольны делать всё то, что хотели. Заберёте и поделите серебро и весь скарб, который есть у нас, и пойдёте куда пожелаете. Но помните, что я сказал, ибо это верно, и ещё немало русских городов будут сожжены, а люди угнаны в полон, – сказал я, понимая, что даже не спросил, а сколько вообще этих половцев пришло.

Мне не верилось, что здесь будет сколь большой отряд. Зачем этим степнякам уходить в глухие леса и бродить по болотам, которых они и вовсе должны бояться?

– Тогда так... Бунтовать прекращаем. Все за работу. И если по возвращении узнаю, что кто-то залез в наш общий скарб или ещё чего натворил, то буду принимать очень жёсткие решения, – говорил я. – Изгнание без ничего! Это станет наказанием.

«Что равносильно смерти,» – подумал я, но не стал озвучивать.

Обвёл глазами всех присутствующих. Не заметил ни у кого невысказанного недовольства или несогласия с моими словами. Видимо, всё же сдулись лидеры протестного движения.

Репрессии? Наверное, наше общество ещё не такое, чтобы они были. Но то, что Власт перестанет получать больше благ, чем другие. Более того, паек уменьшу. Его жене стоило бы похудеть. Но наказывать нужно тогда, как все выдохнут и это скоро произойдет.

– Выход из поселения для всех свободный. Каждому уходящему выдам по две гривны серебром. Ну и еды на два дня. На большее не рассчитывайте, если кто собирается пешком пробираться через лес и болото в поисках своего счастья, – сказал я. – Кто украдет, то я скоро вернусь. Отправлюсь за вами и... не нужно творить безчиние.

Тут же прихватил всех, кроме побитого Мстивою, которому и предстояло, если что при-
смаатривать за ситуацией. И отправился в ту сторону, где был взят половец. Тут же и Видана, сделавшего свой выбор и которую бабы боятся, пуще огня. Макар тут. Так что большинства у бунтовщиков нет. Они уже серая масса, не способная к бунту без поддержки будь каких лидеров.

Скоро пробирались через заросли, обходили болота, переступали через поваленные бревна. Старались идти тихо, но далеко не всегда это получалось.

– Вспоминай! – давил я на Волка, требуя от него вспомнить все обстоятельства, при которых они смогли в буквальном смысле застать без штанов половецкого воина.

– Говорю же, Голова, что видел ещё четверых, и точно там были две бабы. Остальных не рассмотрел, может так быть, что и нет их. Они все конные, и я телег не видел, – явно огорчившись на то, что вместо похвалы и восхищения парень получил взбучку, отвечал Волк.

Шедший впереди Лисьяр, как самый опытный лесник, поднял руку и сам присел. Тут же Лучан взвел арбалет. Приготовились к бою и другие. Постояли. Осмотрелись. И потом, полуприсядя, пошли вперед и немного правее. Скоро Лисьяр дал знак расходиться в стороны. Пусть мы не оговаривали условные жесты, но все сразу поняли, что нужно делать.

Остановились у поляны. Сперва я увидел человека в одеяниях на манер половцев-кипчаков, ну насколько могу судить. А на вид мужик был, скорее, славянином: светло-русый, нос картошкой, как в будущем говорили «с рязанским лицом», определяя чуть ли не эталон внешнего вида русского человека.

– Замерли! – приказал я, перехватывая командование у Лисьяра.

Из-за дерева еще раз посмотрел на поляну. Мужик, будто бы тот зверь, ходил вокруг, вынюхивал и прислушивался. Складывалось ощущение, что он больше доверяет своему носу и ушам, чем глазам. Передвигался вполне бесшумно, уж точно не хуже меня. Но в этом навыке он уступал Лисьяру.

И будто бы нас заметил.

– Лучан, стреляй! – приказал я, и тут же из арбалета в сторону мужика устремился болт.

– Бдынь! – пущенный из арбалета боеприпас воткнулся в дерево рядом с мужиком.

Так и мыслили. Пока никого убивать я не собирался. И уже понятно, что половцы половцам большая рознь. И этому народу, в большинстве, приходится не многим легче, чем русичам.

– Разумеешь ли славянскую речь? – выкрикнул я, между тем выходя из своего укрытия.

Волк и ещё один человек, пришедший с Лисьяром, охотник Годун, направили свой арбалет и лук в сторону всего лишь одного половца. Или не половца вовсе.

Если весь сыр-бор, который случился в поселении, всего лишь из-за двух человек, один из которых был захвачен Волком? А, нет, боевитый подросток говорил еще что-то о женщинах.

Ну не из-за этого, конечно, или не только потому что половцы радом. У людей накипело. Но уже к градусу кипения подходит и моё терпение. Начинаю всё больше понимать, что играть лишь только в гуманизм – явно быть не понятным в этом мире.

– Речь славянскую разумею получше вашего, – сказал на чистом русском языке мужик. – Вы ли моего человека убили или забрали с собой?

– Сперва ты скажи, кто ты и что здесь делаешь? – спрашивал я, подходя метров на десять к мужику славянской наружности, но в кожаных штанах, по примеру того, как носят половцы.

Было видно, что он в годах, как бы не под пятьдесят лет, что для этого времени прилично. Но держался молодежово и взгляд не отворачивал, если только косил зрачками, выглядывая не лучшим образом замаскированных моих бойцов.

– Чего решил ты, что я буду тебе отвечать? – спрашивал мужик, при этом я уже чувствовал признаки его растерянности.

Это было бы объяснимо, если бы он оказался один, но из леса вышел ещё один мужик, держащий лук на изготове.

– Вот как! – усмехнулся я.

Вид вышедшего воина был грозный. Сразу понятно, что воин. Глаз зоркий, облачен в кольчугу, на поясе ножны от сильно изогнутой сабли.

– Разойдемся миром, незнакомый человек из леса, – уверенным голосом говорил мужик. – Отдайте нам взятого вами человека. Он живой?

– Дядька! – послышался звонкий девичий голосок.

Кричали издали, метров со ста.

– Дядька, я иду! – голос приближался.

Третьяк, напарник Волка, направил свой арбалет в сторону, откуда были звуки. Волк, стоящий рядом, тут же ударил по арбалету, но стрела ушла, в сторону, но все же.

Все напряглись.

– Отрок неразумный, – усмехнулся я, стараясь разрядить обстановку.

Необычайно любопытно было, кто же так кричит, ломится через ветки, чтобы оказаться на поляне.

– Дядька, я уже тут!

– Вот же неугомонная егоза, – пробурчал мужик, но в словах, кроме осуждения, ещё явно читалась любовь, и тревогу мужику уже не получалось скрыть.

Он посмотрел на меня: глаза были, я бы даже сказал, умоляющими. Ещё полминуты назад мужик смотрел на меня более решительно, явно демонстрируя, что без боя не дастся.

– Ты отпустил бы нас, добрый человек, – говорил мужик. – Я дам тебе три гривны, всё, что у меня есть. Иди своей дорогой, Бога ради, Годиара только отпусти, если он жив. А будет мёртв, так веру брать с тебя не стану.

Что-то мужик вообще поплыл.

Мы обступили поляну, на которой и застали врасплох и мужика, и того его сопровождающего, который крутил луком из стороны в сторону, наверняка изрядно напрягая мышцы, ибо тетива была натянутой.

– Если всё так... – задумался я, на самом деле выигрывая время. – Если всё так, то и я зла никому не желаю, ежели ты не из тех, кто нынче землю Рязанскую и Владимирскую огню придаёшь.

– Да Господь с тобой, добрый человек, – поспешил ответить мужик, поглядывая себе за спину, где уже, пробираясь через кусты, ломилась обладательница звонкого голоса. – Мы же из половецкой Орды хана Сугры, не менее рязанцев пострадали от Орды Бату-хана. Також бились бы мы с вами, будь вы монголы Так мы пойдём?

Конечно, просто так отпускать этих людей я был не намерен. Мало ли, мне сейчас в уши елей льют, а это только разведчики большого отряда, который точно уже тогда придет к нам по нашим же следам.

– Дядька, я тут! – спотыкаясь о коряги, чуть было не падая, но при этом не роняя лук, с которым прибежала девица, выкрикнула звонкоголосая девица.

Она поправила волосы, закидывая их за спину, выпрямилась, вложила стрелу в свой лук.

Пришло время теряться мне. До чего ж, чертовка, хороша! Кожаные штаны, облегающие стройные ножки, кожаная куртка, также кое-что облегающая, создающая полёт для фантазии.

Девушка была столь хороша, с правильными чертами лица, немного азиатскими, но явно смешанных кровей. Она была темноволосая, невысокого роста.

Но поражало и восхищало даже не это, хотя и без того я уже признавал за девушкой первое место среди всех красоток, что встречены мною в этом времени. Готовая сражаться, примчавшаяся с луком наперевес, на поясе у неё болтался то ли тесак, то ли уж очень хороший меч. Валькирия воинственная, не иначе.

Как же это притягательно, когда девушка не столь покладистая, как у нас в общине, боевитая... Или тут дело не только в этом?

– А ну отвечай, где Годияр, или я пушу стрелу в твою шею и буду слушать, как ты захлёбываешься своей же кровью, – сказала с угрозой она.

– Экая воинственная! – усмехнулся я.

– Танаис, нет! – выкрикнул мужик.

Было видно, что девица была готова стрелять, не смотря на то, что у нас и численное превосходство и гости в нашем лесу, словно бы на ладони и под прицелом. А мои стрелки все возле деревьев.

– Дядька, но как же. Давай убьем их, али сгинем. Нет нам места в иных ордах и в своих кочевьях, – будто бы умоляла боевитая и безрассудная девушка.

Такие слова, да ещё и в кожаном одеянии... Да что же это такое? Никогда же в подобные игры не играл, и вот опять...

– Годияр у меня. Теперь я жду ответы на свои вопросы, – сказал я.

Мужик замешкался. Девица же бдительности не теряла. И мне даже отчего-то было это неприятно. Я, значит, борюсь со стеной, чтобы собрать свою волю в кулак и меньше обращать внимание на бурлящие гормоны, а эта амазонка и не замечает меня...

Так что вывод для меня только один – необходимо обуздать гормоны молодости и вспомнить о том, что я далеко не юнец, чтобы таять, как сахарный, от вида даже такой красавицы и воительницы, что сейчас наблюдаю.

– Я не могу сказать тебе всю правду. Но мы не воинственны... – мужик старался подбирать слова, видимо, не выдавая всю подоплёку, почему он и его спутники оказались здесь.

Я размышлял. Причём постоянно приходилось отгонять, словно бы назойливую муху, похоть. А, возможно, даже и что-то большее, что сейчас испытывал мой молодой организм, недавно вкусивший приятности близости с женщиной. Требуется, видимо по всему, новой дозы любовного наркотика.

И, судя по тому, как он... ну пусть, я, реагирую на необычную, оттого уже интересную девушку, есть тенденция к переходу на более тяжёлые вещества, замешанные на любви.

Ситуация сложная. Звать в гости не могу. Отставлять тут же, не поняв стоит ли ждать опасности, нельзя. Мало ли и где-то рядом тысяча половецких всадников ждут приказа. Правда до степи отсюда верст сорок, или около того. Но все в этой жизни возможно, да и в прошлой так же.

Но что будет, если я этих людей приглашу к нам на поселение? Может, разорвут в клочья всех тех, с кем в том числе ассоциируется горе людей, пошедших за мной? Попугать общинников половцами?

Я искал причины, чтобы не отпускать явно заблудившихся в лесу людей. В поселение их не поведу, но рядом пусть постоят, переночуют.

– Принеси мне еды! – вдруг потребовала девица.

И я рассмеялся. Экая барыня!

– Пошли! Накормлю, если по добру попросишь. А станешь приказывать, так с лешим договарюсь, кабы... – говорил я, но осекся.

Фантазия нарисовала, что леший может сделать с такой красоткой. Чур меня. Нужно будет к бабке Видане обратиться, чтобы это колдовство с меня сняла.

Я? Это я о таком думаю? Скоро побегу такими темпами замутнения мозга восхвалять Перуна.

Глава 2

Лес рядом с поселением

5 января 1238 год

– Никуда я с тобой и не пойду! – выпалила девушка, которую старик называл Танаис.

Красивое имя, Таня...

– Оставайтесь здесь. Еще бы за вами гонятся за тридцать верст, – сказал я.

Намеренно искажил расстояние. Пусть думают, ну если только попробуют выяснить, что мы из общины Врана. Но положи руку на сердце, хотелось, чтобы они не спешили уходить. И еще... Есть такое у мужчин по отношению к женщинам, которые им нравятся. Хочется обогреть, накормить, одарить подарками.

А Танаис мне понравилась, однозначно. Пора бы принять, как данность прекратить рефлексировать, сопротивляться, а жить с этим.

– Мы не знаем, куда идти, – явно нехотя, вынужденно признавался мужик. – Мы шли к большой реке и уже должны были выйти на неё, но её нет. А лишь только буреломы, деревья, кустарники и болота, – он понурил голову. – Видать, Леший нынче не принимает меня за своего, кружит, и не могу разобрать, куда. Помоги – мы заплатим!

– Дядька Глеб, ну как же так? – возмутилась девица. – Как можешь ты просить?

– А вот так, дочка! Три дня мы уже кружим. И если Леший решил нас блудить в лесу, то и не отступится. А хлеба у нас нет, и молока нет: кобылье молоко Леший не любит, ему козье, оленье, коровье подавай. Лесное он существо. И ты нагой обнимать деревья не желаешь, – сказал мужик.

Было видно, как девушка смутилась, покраснела, даже чуть опустила лук и начала прятать глаза. Боже! Какая же милота! Не включил бы мозг – точно поплыл бы.

– Сколько вас? – спросил я.

– Три мужа, включая меня, и взятого вами Гедеона... Он живой? – сказал мужик.

– Живой. Но своих ратных, старик, учи лучше. Его взял мой отрок, – сказал я и посмотрел в сторону Волка, который стоял с открытым ртом и, казалось, даже не моргал – пялился на девицу.

Не по годам она ему. Ей явно было больше шестнадцати лет, а Волку едка четырнадцать. Чур меня! Неужели ревную? Подумав об этом, я даже улыбнулся.

– Насмехаешься над нами? – грозно спросил мужик.

– Если у вас нет даров даже Лешему, то, видать, и сами голодны? – вместо ответа спросил я.

Между тем я смотрел на девушку и заметил, как она сглотнула слюну. Точно голодная.

– Мы, на манер зверей-убийц, чингизидовых внуков, кровь лошадиную пьём, – между тем горделиво сказала девчонка.

– Оттого твоя Бурка уже еле держится, что вся изрезана, – нравоучительно заметил мужик. – Пожаалела бы животину!

Нет, всё же милота зашкаливает. Девица ещё и кровь пьёт – живодёрка! Ну как такая не может привлекать внимание? Как минимум, внимание.

– Много заплатишь? – прикрывая своё желание безвозмездно накормить и одарить путников, вернее путницу, прикрылся я рационализмом.

Хотя серебро мне ну никак сейчас не ценно. Пока что добрый инструмент и еда – вот ценнейший для нас ресурс.

– Как и сказал, три гривны за то, что выведете нас к реке и покажете как лес этот миновать, дабы выйти в степь между Доном и Днепром, – тоном опытного торговца сказал мужик.

Не знаю я ценности гривен. К моему великому сожалению, супермаркетов поблизости не обнаружено. Может быть, в этих краях и вовсе серебро не имеет хода, а люди более практичны и, если и торгуют, то скорее обмениваются вещами и продуктами. Хотя, для чего-то убитый мной предводитель общины бродников хранил серебро. А винить Пласкиню в полном идиотизме я не стал бы даже после смерти его.

– Зови остальных своих людей. Кто еще остался? Баба за конями приглядывает? Оплата за мою помощь будет в том, что ты расскажешь, что видел, что происходит в степи и от чего вы убегаете, – принял решение я, улыбнулся и добавил: – а еще Танаис пушай менее строптивой будет и уважительно говорит. У нас бабы не забалуют.

Вот это я сказал, и чуть не поморщился. У нас не забалуют бабы? Ну да... Себе-то врать не нужно. Только случился самый что ни на есть бабий бунт.

– Это великая плата, куда как больше, чем-то, что я тебе предлагаю, – сказал мужик, вновь торгуясь.

– Дядька Глеб! Что он предлагает? Я не согласная, не стану я покладистой с этим... я и пустить стрелу могу, – сказала неугомонная девица.

Я, почему-то не услышал в своем требовании, чтобы Танаис умерила свою строптивость, подтекста. Однако... О чем думает эта чернобровая головка?

– Иной платы не будет. Но ты ещё и должен понять, если мудрый человек, – нарочито проигнорировав очередные женские стенания, продолжал говорить я. – Пойми, что так вы ещё и жизни свои покупаете. Да и выкуп за твоего человека, который у меня в поселении, я не требую. Так что решай, пока есть такое предложение, иначе я передумаю.

Мужик подошёл к девчонке... ну, пусть, к молодой женщине. Но то, что она выглядит для меня и воспринимается мной как женщина – факт. И слава Богу! А то трудно мне, старику, жить с тем, что вокруг одни молодые или вовсе малолетние. Ведь и бабка Видана для меня, того, что покинул будущее, молодка хоть куда. А сейчас посмотрю. Я аж вздрогнул.

– Нет! – уже в который раз выкрикивала девушка, реагируя на сомнения мужика.

А тот ей всё что-то вдалбливал и вдалбливал.

И вот уже строптивая амазонка начинает кивать головой.

И почему в природе так заложено, что к строптивой женщине мы, мужчины, относимся, как охотники к умному и резвому зверю? Так, чтобы в конце концов обязательно его добыть. Но только чтобы повозиться пришлось, ибо сразу и все – не столь интересно.

Ну а женщинам часто нравятся бунтари, уж никак не домашние мальчики, им лётчиков или откровенных бандитов подавай. Ну или я в чём-то ошибаюсь? Но ведь ещё наше всё, Александр Сергеевич Пушкин, на что-то похожее намекал. Знал, наверное, бунтарь, за что именно его любят женщины.

Мы возвращались к поселению, я улыбался. Хотя особых причин для веселья не было. Но складывалось впечатление, что я, как тот дед Мазай, – всё бегаю и собираю тонущих зайцев. А мне бы не зайцев, а волкодавов и побольше.

Я, к примеру, уже меньше думал бы о том, как ужиться с соседями, а поглотил бы их и стал ещё сильнее.

* * *

Поселение

5 января 1238 года

– Ну и отчего вы смолчали? Али вам по нраву всё? – между тем решила устроить в поселении свой митинг жена Власта, Мила.

– Прошу тебя, не надо, – одёрнул Макар Мстивоя, когда воин решительно направился к очередному стихийному вече. – Пусть выговорится. Коли затыкать людям рот, то тут али оружием, али никак. Токмо кого побьешь, и не будет пути иного, как страхом держать людей.

Воин послушался старика. Мстивой не хотел слушать ни единого довода против Ратмира. «Министр обороны поселения» остоянно искал себе оправдание в том, как это он смог подчиниться десятнику, ну а теперь видел, что десятник этот и воеводы стоит, будучи благодарным за спасение жизни. Так что был готов действовать грубо и решительно. Но и Макара Мстивой уважал.

– Мила, а разве ты не узрела очевидного? – в разговор встряла бабка Ведана.

Все замолчали. Вот уж у кого действительно был глубокий и основательный авторитет. Ведь бабка эта была не только знахаркой, она была ещё и ведьмой, причём, «бабьей». Если заговор какой надо, да приворот, то это только к ней. Ну а перечить кто будет, так Ведана проклянет. И все были уверены, что проклятия эти работают-таки.

Был бы в поселении хотя бы один священник, то можно было бы даже перечить и ведьме, надеясь, что истинная молитва оградит. Всякому известно, что крест и молитва отца отваживает всю нечисть, может разрушить любой заговор и проклятие. Ну или почти любой.

– Он довёл нас сюда. Сколь часто мы видели людей и нелюдей, что угоняют в полон? А всё первые замечали, да попевали прятаться. И по всей дороге мы находили те леса, куда за нами никто не шёл. А как освободил он вас? А то, что на груди у него рана, от коей помрёт и самый дюжий ратник. А как духи реки взяли ворога к себе, а Ратмира отпустили? И Волот этот, Дюж, кой хозяина выбрал душой, но не разумом. Умер кто у нас? Тьфу... – Ведана сплюнула перед собравшимися бабами и мужиками, и те ужаснулись, будто от слюны ведьмы искры пошли, ну или сильнотаксичный яд извергся.

Они смотрели на ведьму с расширенными глазами, ждали, кого именно она проклинает. Власт, набравшись мужества, загородил собой свою жену. Хотя у ремесленника тряслись колени.

Однако Ведана развернулась и пошла прочь.

– Расходимся! – вдруг, неожиданно для всех, может, даже для самого себя, сказал Власт.

– Пошли домой! – грозно повелел строитель. – Пора напомнить тебе твоё бабье место.

Мила опешила. Нет, у Власта иногда проскальзывало желание «научить» свою жену. И бывало, что плёткой прохаживался по её спине. Но это было так давно. А так она обычно понула мужа своего.

Не могла жена ослушаться такого тона и требования своего мужа. Тут она уже пострадает и свой авторитет, и мужний... Так что поплелась Мила, предвкушая «науку».

– Ну вот и всё... – сказал Макар.

– Может, уговорить Ведану, чтобы головой стала? – мучительной улыбкой усмехнулся Мстивой.

– Не приведи Господь! – сказал Макар и перекрестился. – А всё началось ещё с того, что пилу вчера по вечеру доломала Беяна. С нее хотели спросить, да Акулина, сорока, разнесла весть, что Беяна ночью грела Ратмира. Ну и пришлые от наших соседей стали рассказывать небылицы, что рядом бродят враги наши. И половец этот...

– Кабы по мне, так я сделал бы здесь крепость и оборонялся, – пробурчал Мстивой.

Макар только покачал головой.

– А что до половеца – так допросили его. И на славянском языке он речёт. И не супротивляется. Пять их здесь всего. И бегут они. Думали через лес пройти на Дикое Поле. Какая ж это нам опасность? – сказал Мстивой и всплеснул руками. – Почитай такие же погорельцы, как и мы.

– Ну, будет нам. Голова скоро вернется, а мы все с пустого в порожнее переливаем речи свои. Пойду людей занимать. В труде оно меньше дури в голову приходит, – сказал Макар и начал выкрикивать призывы начать уже, наконец, что-то делать.

Скоро работа закипела с такой интенсивностью, что можно было диву даваться. Топоры взметались ввысь, с силой, нерастроченной в попытке бунта, углублялись в стволы деревьев.

Щепки летели в стороны так, что бывшим рядом прилетало и по рукам, а кому и в лицо. Словно бы деревья давали пощечины людям, забывшим добро и решившим бунтовать, не имея четкого плана, что делать дальше.

Приходилось работать больше топорами. Пилы, выделанные далеко не из лучшего железа, сломались, и из них собирались сделать то, что Ратмир назвал «ножовкой». Правда, никто не делал предположений, что и такой инструмент долго проживёт при интенсивном использовании. Вот были бы пилы булатными, то да. Но кто же узор [сталь] станет тратить на такое орудие труда?

И даже бабы схватились за топоры и стали рубить деревья. На левом берегу Дона уже была прорублена просека как бы не в пол десятины земли. И теперь она быстро расширялась. Работали так, что вокруг стоял треск, и можно было не услышать самого себя. Иступлено рубили, может кто и представлял вместо дерева злодея, или так бил по своим страхам и тревогам, прогоняя их прочь.

* * *

Я возвращался в общину со смешанными чувствами. С одной стороны, хотелось рвать и метать, и начать наказывать. С другой стороны... почему-то также хотелось наказывать. Как ни крути, а хотелось наказать. Вот иду и посматриваю на облегающие женское тело штаны и куртку, и хочу наказать. Да так, чтобы не один раз.

Нет, придётся сдержаться, причем во всех смыслах. И в отношении сельчан прежде всего. По крайней мере, стоит воздержаться от исключительной меры социальной защиты. И нет, я не имею в виду казнь, ее я даже не рассматриваю. Для меня исключительной мерой является изгнание людей из общины.

– Пока тут будьте! – сказал я, указывая на небольшую поляну перед рекой и нашим островом. – Я вернусь к вам.

Конечно, оставил в наблюдателях сразу четверых человек. Одного Волка, Лисьяра, ну и двоих его людей. Сам же возвращался на поселение. Был готов к продолжению споров и посматривал на Дюжа, чтобы он не отставал и, если уж придется, то хотя бы своим присутствием помог мне.

Но... что же я увидел по возвращении?

– Когда выходили, тут был лес, – усмехнулся Лучан, указывая на место, где словно те муравьи, не менее чем три десятка человек, трудились в едином порыве.

Мне помахали руками и что-то выкрикнул Макар. Я не всё расслышал, так как стоял треск, крики: «Берегись!». То и дело валились деревья. А ведь работали сейчас практически одними топорами, но получается, что выходило еще более продуктивно, чем раньше.

Я остановился и посмотрел на это представление. И бабы, и мужики облепляли дерево, с двух сторон его подрубали, не останавливались, лишь только периодически сменяли друг друга. Подрубали мужики, женщины продолжали работу.

– У-ум! – промычал Дюж, показывая пальцем в сторону кипящей работы.

Я сам до конца не понял, как, но кажется, что понял его.

– Иди помоги, если хочешь. Только с вниманием и с тщанием, не зашиби никого. Будешь валить деревья, так смотри, кабы никого не было рядом! – наставлял я своего воспитанника. – Ты всё понял?

Дюж кивнул головой. Вот на что хватало у него разума, так если что-то непонятно в моих словах или он сомневается, то обязательно скажет, чтобы я повторил. Вернее, покачает головой или промычит.

С полными штанами радости (а в тех штанах, что носил Дюж, поместиться может очень много) огромный ребёнок, расставив смешно ноги в стороны, побежал помогать работникам. Вот так же он и в атаку идёт. Только тогда мне это смешным особо не казалось. А теперь, так и улыбнулся. Чего там... Рассмеялся.

Крик, визг – бабы порскнули в рассыпную, завидев радостно бегущего к ним помощника. Если прибавить сюда ещё и впечатление от того, что огромный человек в синяках и без переднего зуба, а улыбается он ярко и не стесняясь, то – как бы не «вот оно, моё наказание» для всех. Теперь спать спокойно не смогут, всё будет мерещиться бегущий Дюж.

– Голова, там тебя кличет Глеб-кипчак, – подошел ко мне Лисьяр.

Пришлось даже специально притормаживать. Ноги прям несли вперед. Вот и поди разбери, что это: или какие-то истинные, глубинные эмоции; или... Девушки же ходят в бесформенных одеждах, крепко скрывают свои прелести. А тут... Кожа, изгибы тела...

– Чего ты хотел? – спросил я, нарочно отворачиваясь в сторону, чтобы не смотреть на Танаис.

– День клонится к закату. Дозволь остаться с вами! – спросил Глеб.

– Добро! Здесь пока оставайтесь. Нечего куда-то уходить в ночь. Мы подвезём вам одну из... нет, не одну, а три кибитки – крытые телеги, которые наверняка будут вам знакомы. В них переночуете, – сказал я.

– Госпоже отдельную! – сказала женщина в годах на ломанном русском языке.

– Пойдите по лесу, может найдете добрые дома! – усмехнулся я.

– Невежда, – тихо пробурчала Танаис.

Я сделал вид, что не услышал. Вступить в дискуссию? Нет, не стоит.

Потом еще раз приказал смотреть за пришлыми. При этом сменил главного соглядатая.

Думал сперва кому-то другому поручить такое дело. Но не смог с собой совладать и всё-таки назначил генуэзца. В связи с тем, что у него любовь с Любовой, он менее опасен для стропливой красотки.

И вот, как так получается, что умом я прекрасно понимаю, что со мной происходит, но всё равно же думаю несколькими иными частями своего тела. Впрочем, назначение Лучано особо не противоречит и разуму.

Ну а дальше я и сам пошёл работать, как и все те, кто был со мной в поиске потенциальной угрозы, оказавшейся стропливой девицей в кожаных штанах. Труд – он ведь всегда сближает людей, а еще и выбивает всякие мысли. И пусть, несомненно, должны последовать хоть какие-то репрессии (без реакции оставлять бунт нельзя), но люди должны видеть справедливость, а не моё барское отношение к ним. И не боюсь я ручки замарать.

А вот то, что за полдня мы сможем повалить столько деревьев, сколько пойдут на строительство ещё одного дома, – это вдохновляет.

– Власта выгнать из дома. Пусть строит себе и своей жене шалаш. На сегодня лишить еды. Будет артачиться – выгнать! Акулина... – сказал я и увидел, как напрягся Мстивой. – Пусть с повинной придет и поклянется богам, что не станет более перечить мне. Ну а не будет этого, то и ты, Мстивой, отвечать за свою жену станешь.

Вот и приходится раскручивать маховик репрессий.

– Можно прийти к тебе ночью? – спросила Беяна, пряча глаза.

Я остановился. Неожиданно прозвучал вопрос в спину. Посмотрел в сторону, где, за деревьями, у холма, располагались и осваивались до крайней степени странная компашка из половцев.

– Да, приходи! – сказал я.

Лучше Беяна в руках, чем Танаис в мечтах. Может получится дурь выбить из себя. А то уйдут завтра половцы, а впечатления у меня останутся.

Глава 3

Холм у поселения

5 января 1238 года

Беглецы укладывались спать. Даже Танаис, обычно скрывающая свою усталость, и то беззастенчиво зевала и с нетерпением смотрела, как верная служанка Карима выстирала в кибитке шкуры и шерстяные ткани.

– Ну? Дочка? Как ты? – спросил Глеб Вышатович свою воспитанницу.

– Не называй меня так! Ты роняешь мое благородное рождение! – сказала девушка, высоко подняв нос кверху.

– Передо мной не будь гонорливой! – потребовал Глеб.

Танаис тут же сжалась. Устала она, да и действительно, перед кем кичиться своим происхождением? Тем более, что Орды, которой отец Танаис был первым беком, советником хана, больше нет, почти все убиты, а кто остался в живых пошли на службу к монголам. Убита, а до того осквернена, мать Танаис, благородная дочь ближнего боярина князя Олега Игоревича Курского.

Мать некогда была отдана замуж за благородного представителя Орды, причем принявшего христианство и бывшего так же наполовину русичем. Так что Танаис воспитывалась скорее в русской, христианской, традиции, чем была дочерью Степи.

Впрочем, это же как посмотреть. В седле девчонка сидела не хуже лучших всадников Орды Бирюка, из лука стреляла получше иных. Вот только у Танаис лук был несколько облегченный, все же силы ей недоставало для полноценного использования кипчацкого лука. Но она и со своим оружием не была безобидной.

– Мы должны уходить, – постаралась строго и решительно сказать Танаис. – Может в Курске найдем себя, или у кипчаков, что на Днепре и еще не разорены монголами.

– С чего бы нам уходить? Я от этих изгоев опасности не чую. Да и разве ты не заметила, как на тебя смотрел этот... головной их, Ратмир? – усмехнулся Глеб Вышатович.

– Так что, подложить меня под него хочешь? Или не от этого я бегу? – сделала вид, что разъярилась Танаис.

Тут же, услышав лишь только часть разговора, встрепенулся Айрат – один из ближних воинов убитого хана Бурюка. Айрат был безнадежно влюблен в Танаис и готов следовать за ней хоть на край света.

Часть воинов разбитой Орды решила примкнуть к другому половецкому роду, который сориентировался и перешел на сторону захватчиков. Среди предателей были родичи Айрата. Но он решил последовать за Танаис.

– Он не посмеет тебе причинить боль. Я уже смог спросить его людей. Отроки охотно рассказывали, как он – Ратмир. А еще... Человек, который подобными глазами зрит на тебя, не способен причинить боль. Да если бы они хотели, то сразу бы стреляли, да тебя в рабыни забрали бы, – спокойно говорил сотник Глеб.

– Да как ты смеешь? – взбеленилась Танаис, словно бы и не была уставшей. – Я бегу от рабства, и никогда не буду рабыней. И Ратмир мне этот... Я была готова его убить.

– Меня не обманывай! Я как-никак родной дядька тебе и растил с детства, – сказал Глеб Вышатович.

Танаис же продолжала пилить взглядом родного брата своей матери.

Некогда Глеб приехал в Орду Бурюка проведать свою сестру Елену, вышедшую замуж за славного бека Орды. Ну и влюбился Глеб Вышатович в кипчацкую девушку. Страсть была всепоглощающая, любовь, которую некоторые половцы ставили в пример жениху и невесте.

Но она умерла потом при родах, как и ребенок... Глеб же остался в Орде рядом с сестрой и племянницей, тем более что к этому времени уже произошли изменения в Курске и власть снова, как это часто бывало в русских княжествах, сменилась.

– Давайте спать! – сказала Танаис, поглядывая в сторону Айрата.

Он ей вроде бы и нравился, а может и нет. Или да? Парень-то достойный. И рода благородного... Ну бывшего благородным до того, как не произошло предательство. Но то, что девушка побаивалась Айрата – точно. Он был ревнивый, и не приведи Господь, еще услышит и поймет на что намекает дядька Глеб.

Ведь это именно Айрат освободил от пут Танаис, когда ее собирались насильно выдать замуж за одного из представителей перешедших на сторону завоевателей родов. И монголы и кипчаки пробовали сохранить хотя бы видимость законности происходящего. Так что через Танаис предатели собирались легально завладеть богатствами ее отца, убитого.

Да и красавицей она была и остается. Так что всем завидная невеста. Кроме только что нрава своего вольного. Вот и сбежала, куда глаза глядят. Сорвались тогда в ночи, и в путь.

– Нам было бы хорошо переждать время вот в таком захолустье, но чтобы иметь возможность уйти в любой момент. Появляться в Ширукане или еще где на больших стойбищах то же опасно. Тебя захотят взять в жены, но это будут не благородные беки, ибо за тобой уже не стоит отец и сильная Орда. Так что, дочка, тебе решать... Норов только свой убавь! – сказал Глеб, подошел, три раза поцеловал в щеки свою племянницу. – Черна ты в батюшку своего, но иная красота вся в матушку. Смотрю на тебя и словно с Еленой вижушь.

Старый воин резко отвернулся и пошел к кибитке, которую выделили ему с другими бойцами, что сбежали от предателей Орды Бирюка. Отвернулся, чтобы не было видно слез мужчины. Нельзя ему показывать свою слабость.

Он хотел было еще раз объяснить, в каком положении они находятся. Но... Не стал. И так понятно, что нет серебра, у них у каждого только по одному коню, ну и всего одна телега, где хранится очень скудный скарб, состоящий в основном из оружия. Нет еды, нет четкого понимания, что делать.

Некуда идти. Ведь Танаис тут же станет чьей-то наложницей. Понятно же, что другие кипчаки, задонские, западные, не будут уважительно относиться к ней, красивой, но без силы, что может постоять за честь девушки. Погибнет Глеб, убьют Айрата, которые не смогут просто наблюдать за тем, как собираются позорить Танаис. И все... Так что было бы неплохо остановиться здесь, в, казалось, уголке здравоумия, когда вокруг все сходят с ума.

– Утро вечер разум, – сказала немолодая служанка на ломанном языке.

И все согласились с ней. Только лишь Айрат то и дело бросал недобрые взгляды в сторону Глеба. Он понимал русскую речь, хоть и не слышал всего разговора дядьки и его племянницы. Но сразумел, что может получить себе конкурента за сердце красавицы Танаис.

* * *

Поселение

5 января 1238 года.

Солнце уже спряталось и не только за тучи, но и ушло с горизонта. Наступал не вечер, уже ночь. День был таков, долгий и сложный, противоречивый, что не подвести итоги и не поговорить с людьми было нельзя.

Я смотрел на сосредоточенные лица совета старейшин. Они смотрели на меня. Всё-таки если не чёрная кошка, то уж точно чёрный котёнок пробежал между нами. Такой, дикий, злой, способный если не сильно расцарапать человека, то оставить следы на руках того, кто его решил погладить.

Сделанного не вернешь и недоверие нужно хоть как-то преодолевать. Иначе как жить и развиваться дальше? Вот и хмурился я, продавливая своим грозным взглядом людей.

Моё суровое серьёзное настроение, многозначительные паузы, не менее таинственные взгляды и жесты... Ничего из этого не сулило шутивного разговора или даже обычного.

– Мы убегали от войны, но от неё нигде не скрыться. Там, где войны нет, то много последствий от неё. Ошибся ли я с местом нашего побега? – я обвёл в очередной раз глазами собравшихся. – Разве же у нас кто-то умер? Али погиб кто в лютой сечи?

Собравшиеся молчали, ждали продолжения моей отповеди. Да, наверное, я не только говорил с ними, но и продолжал свой внутренний диалог, вываливая аргументы в пользу своего решения прибыть на Дон.

– Путь на север закрыт, на восток – также. Можно было идти на запад и в Киев, но и там половцы, пусть и большей частью союзной Руси, – но и они нам не помогут, – продолжал я свой монолог.

– А сюда по весне придут ордынцы, – Любава превращала мой монолог в диалог, или даже в дискуссию.

– Придут. И может так быть, что я им поклонюсь, – последняя фраза далась мне очень сложно.

Настолько, что это не могло пройти мимо собравшихся.

– А якоже «мечь лютая», о чем ты вещал ранее? – явно с негативной интонацией спросил Мстивой.

Я не сразу ему ответил. Мне нужно было собраться с мыслями. Побороть то противоречие, которое во мне бурлило от уже произнесённого. Да, до сих пор не прошло желание срыгивать с места и бежать громить монгольские отряды, уводящие в рабство русских ремесленников, молодых мужчин, красивых женщин.

Вот только нужно включать голову и быть более изворотливым, чтобы побеждать. Ведь для победы, по сути, нужен один из двух основных факторов: сила, способная побеждать и переломить существующее положение дел; или, если силы недостает к открытой войне, ты партизанишь. Так меня учили еще в школе, так я воспитывался на подвигах белорусских, украинских, русских... советских партизан.

Долго размышляя, даже после того, как я уже, казалось бы, решил для себя принять второй вариант моей борьбы. Я до сих пор, как та собака на сене, не могу отказаться и от первого варианта – с грубой силой, но уже готов применять второй. Бить можно и нужно исподтишка.

А как хочется, чтобы вот так вот выйти в чистое поле, усмехнуться тысячам врагов, произнести шутку вроде того, что замаешься ты их хоронить после лютой сечи. Ну и – в бой, с выкаченной вперёд грудью и с мечом наперевес. Красивая, геройская, но, по сути, бессмысленная смерть.

Чтобы противостоять монголам в чистом поле, необходимо, чтобы было хотя бы тысяч двадцать ратников. Да таких, чтобы слаженно работали, с железной дисциплиной. И чтобы вооружены были чем-то, что неприятно удивило бы противника. Да и придумать тактику против их обстрелов из луков издали.

Нет, это нереально. Пока что. Где взять столько воинов? Но это еще один вопрос. Набрать войско можно хоть бы из наемников в Европе. Но дисциплина... Да нет, в этом направлении и думать забыть, если только без поддержки князей.

– Коли поведать вам кратко, что я мыслю и думаю, то скажу так: кланяться ордынцам не желаю, но выслеживать их после и бить из засады – вот мои чаяния и то, к чему склоняюсь я, – сказал я.

Мстивой ухмыльнулся. Конечно, я завернул, но для воина было главным – бить врага.

– А я уж было мыслить стал, что покориться ты удумал, а ещё того горше – сдать всех людей и встать рядом с татарвой супротив русичей, – сказал воин.

– Так, а после первой же засады придут ордынцы и выжгут нас всех, – сказала бабка Ведана. – Людям сия задумка не по нраву нынче придется. Они мирно жить желают. Так что сказать им, что поклонись ордынцам, а они и не тронут, люди поверят и жить дале станут.

– Врать? – спросил я.

– Во благо! – ответила Ведана.

Я окинул взглядом присутствующих. Макар кивал в согласии, Мстивою было, как я понимал, уже все равно, что так с людьми и с бытом, он готов сражаться. Получается, что если соглать, то всем сестрам по серьгам раздастся? Тогда да, ложь во благо.

– Но если и выйдет замириться, показать, что мы не воюем, а дань приносим ордынцам, то не значит, что не будем готовиться к войне и на поселении, и везде. И людям потребно говорить, что поставив крепость на острове, подготовив пороки, или как латиняне называют, катапульты, если у нас будет не менее сотни воинов... – я посмотрел на Мстивою, чтобы тот продолжил мою мысль.

– Тогда кабы не две тысячи ордынцев нужно будет, иначе нас и не взять, – сказал он.

– И не пройти будет сюда великой конницей, а мы еще и засеки по весне почнем ладить... Но то на край, лучше избегать нам подобной войны, – сказал я.

Было видно, что Мстивою со мной согласен во всем и готов к подобному развитию. А вот бабка Ведана, на удивление бывшая сегодня согласная сомнениям деда Макара, в отрицание качала головой.

– Если всё по уму сделаем, да соберём тысячу ратников, то и против всей орды выстоять можно, – словно бы в него вселился хвастливый подросток, с огоньком в глазах говорил Мстивою.

Замечаю в последние дни за своим заместителем явную бравату. Он и побеждает в тренировочных поединках так, чтобы непременно показать превосходство. Как завидит Акулину, то грудь колесом. И всё-таки влюблённый мужчина несколько теряет связь с реальностью, возвращается в свои юные года, где большую часть ошибок человек совершает. Впрочем, по всему так выходит, что, может быть, и я начинаю влюбляться. Потому как не считаю мнение своего заместителя столь уж убогим и нереальным.

Но всё же я предлагал иное. Более приземленное и имеющее под собой обоснование.

– По большей части будем жить здесь. Но отберём те места в глухом лесу, куда добраться будет сложно или невозможно, если не знать как, чтобы детей и баб схоронить, коли уж придёт наш час стоять насмерть, – сказал я и вновь взял паузу, обратив внимание, как интенсивно качают головами в отрицание дед Макар и бабка Ведана. – Бude больше людей, то я бы сладил еще базу вдалеке, может и на Каме.

– Где? Туда больше месяца ходу! – удивился Макар.

– Надо, так и дойдем. Или получится...

Я замялся. Не нужно все же этим людям раскрывать мои перспективные планы. Слишком это сказочно пока звучит. Вот только нужно иметь и оперативные планы, тактические, ну и стратегические.

– Только думаю я, что лучше нам тайно бить врага. Иметь такие места, куда людей, полоняных ордынцами, приводить, когда будем их отбивать. Но, если потребуется, то угождать ордынцам, – сказал я.

– Да коли им угождать, так придут и девок всех наших заберут, – они у нас холёные, любому мужу по нраву придутся, – выпалила ведьма.

– Лисьяр! – предоставил я слово нашему относительно новому члену общины.

Да, приглашение его на Совет Старейшин можно было бы считать ошибкой. Вероятно, что не стоит доверять человеку, который не прожил вместе с нами и... А сами-то мы друг с другом сколько прожили? То-то! По моим подсчётам, ещё и месяца не прошло.

Без доверия никак. Приходится. Пусть и следует жить по правилу: «доверяй, но проверяй!» И за Лисьяром присматривают все те, кому я доверился раньше. Пока нареканий по нему никаких. А вот как специалист по сообществу бродников он просто необходим на нашем совещании.

– Чтобы спокойно жить на Дону и не бояться гнева ордынцев, достаточно стать бродниками. После того предательства, что бродники сотворили, после битвы на реке Калке, они помогали ордынцам во всём. Они и разведывали русские земли, рассказывали о князьях, о числе ратников, переправляли ордынские отряды для разведки, имели запас травы и овса для ордынских коней... – говорил Лисьяр.

– Отчего же ты говоришь за них? Али ты не такой же? – это спросила Любава. – Ратмир! Отчего он с нами, коли ворогам нашим...

– На то мое решение, – строго сказал я, не желая еще в чем-то убеждать, уж тем более, оправдываться.

Всё-таки рано ей в серьёзных разговорах принимать участие. Думает девка, скорее, не своей головой, хотя она у неё и вполне разумная, а эмоциями.

Подробностей не знаю, но вроде бы там вышло что-то – один из отроков, которых привёл с собой Лисьяр, попробовал ухаживать за первой красавицей нашего поселения.

Ну и само собой он нарвался на гнев ревнивого итальянца, Лучанки нашего. Ну подрались парни из-за девчонки, не считаю это такой уж серьёзной проблемой, которая может повлиять на всё наше общежитие. Но Любава затаила злобу и на Лисьяра, и на всех, с кем он пришёл. Там-то всего синяк под глазом у Лучана.

Между тем, после моего кивка, Лисьяр продолжал.

– Я жил среди бродников, но никогда себя к ним не причислял. Я охотился и выживал, кормил свою семью. Это вам и предлагает наш голова. И я поддерживаю те предложения, – решительно и вполне жёстко сказал Лисьяр.

Если бы он проявлял такую же принципиальность и жёсткость, так, может быть, не отдал бы поселение соседней на откуп Врану. Или это Вран – ещё тот хитрец и боец, что ему противостоять сложно. Сложно, но у меня есть мысли, что это необходимо будет сделать. Вот ещё бы где найти человек пять добрых ратников, то решился бы. А не нашел ли я этих недостающих воинов? Как там красавица в кожаных штанах? Переоделась? Тьфу ты...

– А может, сие и есть решение доброе? – почесав бороду, задумчиво произнёс Макар. – Можно и поклониться врагу своему, ордынцу, но так, чтобы, уже на следующий день горло ему перерезать. Такие поклоны лукавы и бесчестны. Не каждый примет. Токмо как иначе бить ворага я не ведаю. И людям говорить про то, что бить кого намереваемся пока и не след.

Выискался мне тут боец! Его как раз-таки привлекать к подобным операциям, что рождаются у меня в голове, не стоит. Хотя арбалет в руках держит, копьём, видел, неплохо орудует, не гляди, что старик. Так что боевая единица, как есть. Но только отсиживаться в обороне.

– Все разумение имеют, что о нашем разговоре нельзя никому говорить? На том поклянетесь на крестах, на том поклянетесь на берегах, здоровьем своим, своих детей, всем, чем я скажу, – строго говорил я.

Для меня, человека из будущего, произнесённые клятвы не такое уж большое значение имеют. Но это, если не верить в то, что боги существуют, что в какой-то немного другой, словно бы альтернативной реальности существует единый Бог христианский, что есть духи, которые обязательно услышат клятву, и если её нарушить, то покарают так, что и при жизни, и после смерти маяться будешь.

Я в это не верил. Хотя, признаться, некоторые суеверия очень настойчиво стучатся в моё сознание. Но вот люди, которые сидят рядом со мной, верят в это точно. Так что, когда я называл все те клятвы, которые хотел бы услышать от этих людей, немного прикинулся и сам.

День, взаправду, вышел неимоверно бурным. И уже давно хотел спать. Так что побрел в свое новое жилище. Ведь Власта я уже успел наказать, вернее только начал. И пока забрал у него добротный дом. В конце-концов я тут голова! И должен иметь свой терем. Тем более, когда мои жертвы, например в том, что живу в шалаше, не оценены по заслугам.

Но разве же дадут мне отдохнуть? Нет... Покой нам только снится! Кстати, не понимал эту фразу. Ну если ты спишь, то уже покой. Дайте же поспать! Нет, не дадут!

Глава 4

Плешивая гора

6 января 1238 год

Плешивая гора таковой и была. Многие объясняли то, что на вершине большого холма нет деревьев, да и кусты редкие, божественным вмешательством. Мол, тут могут часто трапезничать Боги. А, значит, русские боги помогут.

Вот только воины все же сомневались, что даже с божественной помощью можно одолеть врага. Уж слишком превеликим казалось войско ордынцев. Тут было даже больше двух туменов.

– Не робей, братия! – скорее не подбадривал, а требовал Евпатий Коловрат.

Может, боярин даже и приказывал, ибо увидел, что не все его ратные люди смело смотрят смерти в глаза. Немало было и тех, у кого колени подрагивали, а глаза были от страха шальные. Уже не работало убеждение, что боги обязательно помогут рязанцам и их союзникам.

Но ведь никто не побежал. Ну или почти никто. Ночью, когда до всех была доведена информация, что наутро случится бой, всё же полтора десятка ратников ушли. И Евпатий намерено так сделал. Что будет бой можно было догадаться. А вот времени выяснять, кто же малодушный и готов побежать, не оказалось. И лучше такие убегут сейчас, а не в бою, увлекая за собой других.

Правда, не понять, куда вообще уходить беглецам, если все направления были перекрыты монголами. Разве что на юг. Так и там, как известно, должны быть где-то немалые монгольские отряды, которые пусть и не стоят в окружении, но всё-таки... Всё же на юг оставалось единственным направлением, которое могли выбрать беглецы. Однако, опасно, – с юга болота.

Боярин Коловрат обходил ряды своих ратников и требовал с них не робеть. Хотя, может быть, некоторым нужны были, скорее, слова поддержки и одобрения, чем требования и упреки.

Вот только сердце Евпатия было тяжёлым, как камень, и непробиваемым, как лучший узор [сталь] из свейского железа. Он мстил, и не понимал, как можно бояться, если ты уже душою умер. Страх должен быть только один – погибнуть раньше, чем убьешь двух-трех врагов.

Обойдя свое воинство, не забыв проверить, в том числе, готовность отряда тяжелой конницы, боярин сел за стол под навесом. Тут проходил недавно Военный Совет. А сейчас Евпатий Коловрат собирался в последний раз, перед битвой, обдумать действия. Ну и получить последние данные разведки.

– Говори! – потребовал Коловрат у десятника, которого отправлял на разведку.

– Укрывшись белыми полотнищами, мы затемно...

– Ты что, детишкам и бабам небылицы сказываешь али доклад учиняешь? – грозно спрашивал боярин Коловрат. – Нет часу тебя слушать. Говори! И тут же отправляйся на прикрытые входы на холм. В битве участие принимать не будешь.

Если для кого-то такое назначение было бы в радость, то для десятника-разведчика жестоким наказанием. Десятник бросил взгляд в сторону стоящего рядом с Евпатием дядьки и наставника боярина, сотника Храбра. Но тот был с невозмутимым видом и словно бы не замечал и не слушал, что говорит и делает воспитанник.

Кому, как не наставнику, знать, что за этой суровостью, грубостью сейчас Евпатий скрывает свои сомнения. Ведь понятно же, что сегодняшний бой – главный.

Понятно было и то, что Евпатий Коловрат привёл свой отряд в засаду сознательно. Использовал боярин Жировита, предателя Рязанской Руси, а ведь мог свернуть, не пойти к Плешивой горе. А Жировиту сперва отрубили руки, а потом, не раньше, чем через полчаса, предоставили подлому человеку возможность насладиться своей болью – и закололи.

И теперь то, что может считаться ошибкой, когда отряд вышел к засаде сразу не менее двух туменов врагов, – списывали именно на Жировита, как оправдание решению самого Коловрата. Бесчестно, немало кто это видел и понимал. Но... Сейчас с Евпатием разговаривать было невозможно. Он отвергал любую критику.

Храбр Вышатович чуть заметно кивнул головой, чтобы десятник, наконец, продолжил свой доклад.

– Токмо один выход и есть – через болото. Ордынцы же изготавливаются стрелять в нас из луков. А ещё изготовлены тысячи и пять сотен пещцев из тех, кого пленные называли хорезмийцами. По левую руку от этого отряда стоят ещё пять сотен пещцев народцев, что и не понять, кто, по правую руку – мордва, судя по всему эрзя, а иные – кто, я не разумел, – докладывал разведчик.

Болезненная, искривлённая болью и жаждой мести улыбка Евпатия означала, что примерно такой расклад он и предполагал. Потому и готовились отражать атаки пехоты.

– У них есть еще сотни две русичей. Там бабы, старики, дети...

– Собираются живым щитом выставить их? – все же не выдержал, спросил Храбр Вышатович.

– Дядька, я тебя предупреждал... Боле ни слова. Уходи прочь! – сказал Евпатий.

Храбр покачал головой. Одинокая слеза покатила вниз по его щеке, рискуя превратиться в льдинку. Старику было горько не от того, что его прогнал Евпатий. Храбр Вышатович чувствовал ту боль, что была внутри его воспитанника. Он понимал, насколько тяжело Евпатию. Знал, но помочь ни чем не мог. Его воспитанник готовился умереть сам и погубить своих людей.

Храбр был почти уверен, что сперва ордынцы начнут закидывать камнями ту возвышенность, которую для обороны заняли отряды Евпатия Коловрата. Предполагал, что, возможно, даже и горшки с земляным маслом начнут закидывать на вершину холма. Во к чему готовиться нужно было. Но... Оказывался правым Евпатий. Готовилась атака Плешивой горы пещцами.

Ордынцы всё ещё считали возможным одолеть большой отряд Коловрата прямой силой. Ну или почти прямой, так как всё-таки засыпать вершину холма стрелами монголы посчитали необходимым.

– Коли ордынцы не почнут битву, я сам сие сделаю, – сказал Евпатий.

Но... Он остался один. Всех людей, которые раньше составляли окружение Коловрата, всех отослал от себя. Но не было времени что-то менять...

Последовали приказы. Стали проверяться те деревянные щиты, которых за последние два дня наколотили в изрядном количестве. Лучники-рязанцы стали натягивать тетивы на свои луки.

И лучников в отряде было много: чуть ли не каждый имел добротный лук, который в жизни купить не смог бы, не случись эта война. После того как разбили монгольскую тысячу, в отряде прибавилось сразу пять сотен добротных луков и изрядное количество стрел к ним. И до того трофеями взяли немало.

Ошибались монголы, которые посчитали, что смогут, не опасаясь сильного ответного града стрел, обстреливать отряд Евпатия. Хорошо обученный монгольский лучник может пускать стрелы на четыреста шагов и больше, хотя отряды, чтобы уверенно поражать противников, стреляли за триста шагов.

Конечно, стреляли не прицельно, а по навесной траектории. И, прежде всего, был расчёт не на меткость, а на кучность полёта стрел. Но мало кто мог отвечать и за триста, и уж тем более за четыреста шагов монгольским лучникам. Так что порой они обстреливали абсолютно безнаказанно своих врагов, а когда те начинали наступление, просто откатывались в сторону, продолжая поливать стрелами противников.

И об этой тактике прекрасно знал Коловрат. Потому требовал от своих воинов, чтобы они учились натягивать и стрелять из монгольских луков так далеко, как это могут делать и сами ордынцы. Получалось далеко не у всех, но здесь было ещё и такое преимущество, как возвышенность. Стрелять с вершины холма русским ратникам несколько сподручнее. И полёт стрелы, если и не сравним с тем, как лучник врага будет пускать стрелы, то сопоставим с их позицией.

Монгольские конные лучники выдвинулись резко, неожиданно, когда боярин Коловрат уже сам хотел начинать сражение.

– Стрелы! – закричали десятники и сотники.

Евпатию не нужно было отдавать приказы, чтобы массивные деревянные щиты стали подниматься словно из-под земли. Сколоченные из толстых грубых досок, щиты приподнимались и ставились на подпорки. Под них тут же ныряли русские ратники, выстраивались в две-три плотные линии, прячась за защитой.

Евпатий не прятался. Он вышел вперёд, встал перед щитами, вознёс руки к небу, словно бы призывая на себя смертельный дождь из монгольских стрел.

В это время наставник качал головой. Храбр говорил Евпатию, что если боярин будет сражён стрелой, то, как минимум, половина его людей – тех, кто на смерть идёт с именем боярина Евпатия Коловрата, – разочаруется, поверит в то, что не таким уж и неуязвимым является их любимец богов.

Но Коловрат слушать никого не хотел. Мечь, жажда погибнуть, но взять с собой как можно большее количество врагов, затуманила его рассудок. Он ещё не успевал заснуть – только закрывал глаза, как видел погибшую свою семью. Они требовали отмщения, они звали его к себе.

В подробностях, которые здравый рассудок не может представлять, Евпатий словно наяву видел, как ордынцы насилуют его жену, а после топчут конями. Для него будто бы время остановилось, стало текучим, вязким, он видел, как медленно разрубается плоть его старшего сына, его надежды, того, в кого душу и силы вкладывал боярин, воспитывая достойно.

А потом он всё же засыпал, и вся эта история прокручивалась ещё и ещё раз. За ночь, порой, он видел и пять, и шесть раз практически один и тот же сон, лишь в котором менялись некоторые подробности, как правило, наиболее ужасные и бьющие прямо в сердце Евпатия.

Оттого и сердце становилось тяжёлым и жёстким, чтобы с ума не сойти. Так думал Евпатий, но наставник смотрел на своего, да, почитай, что и сына. Смотрел, ничего не говорил, ибо понимал, что слова канут в Лету и не возымеют должного действия. Но слёзы стекали по щекам мужчины, пробираясь через уже не такую плотную седую бороду.

– Вжух! Бдым-бдым! – свистели стрелы и ударились в щиты.

Некоторые монгольские наконечники лишь застревали в древках и не причиняли пока никакого существенного урона.

– Други мои! Глянь, сколь много даров ордынцы нам прислали. Нынче, коли соберём все стрелы, так увеличим колчаны свои, – бахвалился один из ратников.

Евпатий недовольно посмотрел в ту сторону, откуда только что раздался этот шуточный крик. И он знал, что за шутками и весельем зачастую скрывают люди свои страхи, неуверенность, боль. Если бы не начало боя, то Евпатий мог подойти и плёткой хлестануть, ну или ударить рукой такого весёлого ратника.

Обстрел стрелами продолжался. Евпатий стоял. И, действительно, ни одна стрела не попала в него так, чтобы пробить броню. Ведь не голым стоял Евпатий и принимал на себя такой вот смертельный дождь. Сверху на нём был пластинчатый доспех, следом шла куртка из толстой шерсти. Дальше – ещё и кольчуга, стёганая куртка...

Так что пробить даже броневой стрелой подобное одеяние Коловрата было невозможно. И на голове у него, кроме шишака, ещё был и капюшон из кольчуги. И поножи были,

и монгольским войлоком плотно обмотаны ноги. Так что даже прицельный выстрел с пятидесяти-семидесяти шагов не должен был пробить броню Евпатия Коловрата.

Получалось, что не настолько он уж и потерял рассудок, выходя вперёд и будто бы обращаясь к летящим стрелам, чтобы те его смертельно не ранили. Пять стрел попали-таки в Евпатия, но существенного урона ему не принесли. Так, лишь незначительные болезненные ощущения, и в будущем – синяки. Учитывая то, что будущего, скорее всего, и не будет, он вовсе не обращал внимания на такие мелочи.

– Луки! – взревел Евпатий Коловрат. – Лучники бей!

Как только поток стрел от ордынцев стал уменьшаться, боярин решил отвечать.

Русские лучники – ну а большинство, скорее, не лучники, а лишь те, у кого есть луки и кто худо-бедно умеет с них стрелять – выходили из укрытий. Далеко не отходили, выстраивались в линию буквально шагах в десяти от щитов. И можно было думать, что они будут стрелять, даже не понимая, куда полетит стрела. Однако в щитах были прорези – щели, через которые командиры могли посмотреть, где именно находится противник, и решить, куда и как стрелять лучше. Полет стрелы командира – первый, с указанием направления.

– Ордынские пещцы! – закричали воины. – Выходят пещцы!

Но Евпатий и сам видел, что враг собирается идти на приступ холма. Видел и улыбался. Вот таким решением враг даёт возможность Евпатию как можно больше убить врагов.

– Бей! – стали отдавать приказы десятники и сотники лучников.

И тут же не менее тысячи русских стрел полетели в сторону врага. Стрелял со своим десятком и сотник Андрей, оказавшийся в этом бою без своей сотни. Но и тот большой десяток, состоящий из шестнадцати лучших лучников отряда Евпатия Коловрата, стоил, может, и целой сотни воинов, чья специализация – точно не стрельба из лука.

Град стрел устремился в монголов и их союзников с холма. И большинство этих стрел летело в тех пехотинцев, которые сейчас начинали выдвижение к холму. У Плешивой горы пролилась первая кровь в бою. И кровь эта была ордынская, или тех приспешников, которые стали на сторону монголов.

Русские воины откровенно смеялись над врагом, который не мог восходить на вершину. Рязанцы порой даже забывали пускать стрелы и кидать камни в ордынских пещцев, увлекаясь нелепой картиной внизу. Ордынцы карабкались по склону, проскальзывали, сползали вниз, увлекая за собой тех, кто карабкался ниже. Ночью немало было воды вылито на склоны холма, и теперь там образовалась ледяная корка.

Но далеко не все вражеские пехотинцы выглядели смешными. Кто втыкал нож в корку льда – шёл дальше, уворачивался от летящих камней, прижимался ко льду, когда видел поток стрел.

– Лучники! Продолжай бить! Быстрее! – взревел Евпатий Коловрат, когда понял, что часть его отряда словно бы решила отдохнуть.

С другой стороны, на протяжении более двух минут монгольские луки натягивались русскими руками и пускали стрелы. И это требовало немалых физических усилий. Но Евпатий даже думать о подобном не желал.

– Стреляй по монгольским конным! – пуще прежнего закричал Евпатий.

Он заметил, что монгольские конные лучники подошли к холму слишком близко. Их было около пяти сотен. И если с пещцами, как считал боярин, можно и на мечях, и на топорах совладать, то конных нужно бить их же оружием, тем более, когда они сами подставляются.

– Конные тяжёлые – приготовься! – последовал следующий приказ Евпатия.

Было видно, что между основными войсками двух туменов и теми ордынцами, что выдвинулись, образовалось расстояние более чем в версту. И на этот случай Евпатий собирался использовать неожиданный удар.

Два дня рязанцы и примкнувшие к ним охочие люди не только щиты сколачивали, но ещё и делали в стороне достаточно пологий спуск, чтобы могла пройти конница: пусть даже и только три всадника по той дороге имели возможность просочиться. Там же вырыли и небольшой ров, через который накинули щиты из брёвен, способных выдержать тяжёлых ратников.

В бой шла его ближняя дружина. Это была сотня. Казалось бы – всего лишь сотня, но закованные в броню бойцы с копьями наперевес должны были тараном пройти по низу холма. И такого количества хватит, чтобы внести ещё большую сумятицу в рядах степного войска.

Евпатий увидел, как сразу две головы показались у его ног, вскарабкались-таки вражины. Удар! Своей ногой боярин бьёт в голову одного из вражеских пешцев. Тот взмывает вверх, падает на ледяную корку, скатывается вниз, сшибая по дороге ещё четверых врагов.

Евпатий извлекает из ножен сразу два меча и одним из них – левой рукой – бьёт по ключице ещё одного противника. Звенит металл, по кольцам кольчуги проскальзывает русский клинок и разрезает горло хорезмийскому пехотинцу.

С криком, улюлюканьем, слева от Евпатия – с невидимой для врага стороны холма – в бой устремляются тяжёлые рязанские конные. Перестроиться в линию или клином русские не имеют возможности: конные атакуют построением в три всадника.

Но самое главное – ошеломление, неожиданность, когда враг явно растерялся. Построением в три всадника казалось, что пеших лучников и пехотинцев врага атакует далеко не сотня, а как бы и не тысяча русских, закованных в броню, воинов.

Монгольские лучники успевают перенаправить свои луки в сторону новой угрозы. Стрелы летят в тяжёлых конных, частью врезаюсь во всадников или в покрытых бронёй лошадей. Два, четыре, десять русских ратников на конях сражены. Чаще всего удара бронебойных стрел монголов не выдерживала защита лошадей. А погибель лошади – это, считай, и погибель всадника.

Но вот уже и копьё вырвавшегося вперёд ратника бьёт в грудь одного из пехотинцев. Ловкий рязанский воин, несмотря на то, что набрал большую скорость, выдёргивает копьё из груди врага, тут же его перехватывает удобнее и уже следующего колет.

Словно бы раскалённый нож по маслу, проходит ближняя дружина Евпатия Коловрата через врагов. Те частью рассыпаются, есть те, кто, обезумев, откровенно убегает от новой опасности. Другие облепили склон холма и не могут помочь своим соратникам.

А в это время летят стрелы с холма, звенит сталь, начинается рубка на вершине. Но здесь рязанцы и их побратимы оказываются в большинстве. И сложно, вскарабкавшись на склон, тут же принять боевую стойку и не пропустить первый же удар, которым чаще всего русские и ранили или убивали своих врагов, скидывая их вниз. Кто и большими рогатинами скидывал и колот степных воинов.

Тяжёлые русские конные, прошив построения врага и проскакав ещё не больше двухсот шагов, тут же устремились обратно. Рискованная вылазка оказалась удачной. Второй такой может не получиться. Сейчас монголы были не готовы отправлять организованный отряд наперез русским тяжёлым конным. Но такие отряды уже готовились вступить в бой. Не успеют сейчас, но выдвинутся вперёд, чтобы больше русские тяжёлые конные не посмели столь дерзко, но невероятно успешно бить ордынцев.

Зазвучал рог, закричали монгольские командиры, враги стали откатываться.

– Вперёд! – выкрикнул Евпатий Коловрат и, подавая пример остальным, стал спускаться по склону.

Тут же он поскользнулся, упал на спину и стал скользить вниз. Выставив ноги вперёд, он до самого низа склона холма сбил ещё четверых ордынцев. Подумав, что их командир подаёт пример, как действовать, так же стали скатываться с горки и другие.

Для многих это было болезненно: лёд почти везде был потрескавшийся, во многих местах успел подтаять от горячей крови завоевателей, обильно поливавшей склон в этой сече. Но там,

где русское седалище упиралось в землю и не хотело скатываться дальше, воины подпихивали себя руками, продолжая устремляться вниз. Правда чаще железо, кольчуги русски, доламывали ледяной покров.

«Рязанские горки» – именно так могли бы назвать этот тактический приём в будущем, если бы о нём хоть кому-то стало известно.

Спустившись вниз, русские ратники быстро вставали: тут уже льда не было – его вытоптали вражеские пехотинцы.

Евпатий с упоением рубил налево и направо. Он был без щита, в обеих руках мечи. И никто не мог сравниться с тем числом убитых врагов, что оставлял после боярин.

Победа... Теперь монголам нужно переосмыслить, что произошло, подготовиться к новому бою. Они потеряли не менее тысячи человек, при этом почти что не нанеся урона рязанцам... Такого отпора Субэдей давно не получал.

Глава 5

Поселение

7 января 1238 года

– Вжух! – стрела, пущенная мной, устремляется в сторону дерева, стоящего метрах в шестидесяти.

– Да что ж такое? – возмущаюсь я.

Было острое желание бросить к чёрту этот лук и больше не братья за него. Тем более, что рядом же лежал арбалет. И вот с него я стрелял вполне даже... Да чего уж там. С него я стрелял отлично, если сравнивать с навыком стрельбы из лука.

Но не могу отказаться я от такого верного и мощного, оружия, как лук. Тем более что знаю, как стрелять. Мышечная память срабатывает. Но... не понимаю, чего не хватает, когда и мышцы под то заточены, и глазомер хороший, и желания предостаточно. Но признаваться в том, что я не умею стрелять из лука – последнее дело. Как я и не умею?

Нечасто получалось уйти в лес для того, чтобы потренироваться в стрельбе из лука. Все дела да заботы. А если нужду справить, так для этого у нас два туалета на территории поселения. Один так и вовсе теперь почти что с хорошей «седушкой», «элитный». По грибы я не хожу, да и выгребли их по округе вёрсты на три, там точно уже нет грибов. Но, если не считать только те «фермы», что мы разводим внутри поселения. Вешанки удивительно хорошо растут на поселении, особенно, если за ними присматривать и подкладывать на утепление щепу. Так что редко получается побыть одному и пострелять.

Выдыхаю... успокаиваюсь... Беру лук, накладываю стрелу, поднимаю оружие, одновременно натягивая тетиву. Жду, пока пройдёт порыв ветра... вдох... выдох... и...

– А что ты тут делаешь?

– Бдын! – тетива спускается, стрела летит шагах в десяти мимо цели.

– Да кого черти принесли? – озверяюсь я.

– Это кто ещё чертей вспоминать должен? – возмущалась Танаис. – Я отошла по своим нуждам, а тут и ты. Следишь за мной?

– Могла справлять свои нужды в ином месте, – пробурчал я, при этом любясь девушкой.

Это что же получается? Из меня рисуют какого-то извращенца, который ходит, подсматривает за девицами?

– Коли справила нужды свои, ступай себе! А я ещё спрошу со своих людей, с чего это ты по лесу бродишь без пригляду, – сказал я, собрав волю в кулак, отвернувшись, чтобы не таять, словно бы тот пацан от красоты девушки.

Видно было, что такой грубости она не ожидала. А мне ещё одну зарубку на нос нужно поставить – чтобы никогда не расслаблялся и всегда ожидать, что кто-то может подкрасться. Слишком увлекаюсь процессом и не «слушаю» лес.

– И вовсе я не нужды справляла. За тобой пошла, – сказала Танаис, резко развернулась, направилась прочь.

– Да стой ты уже, коли пришла! – выкрикнул я.

Девушка, игриво улыбаясь, словно ожидала моего окрика, развернулась, отправляя в полёт свои сине-чёрные волосы. М-да. Говорят в народе, что и на старуху бывает проруха, а любви все возрасты покорны. Но чтобы у меня вот так кровь вскипала, да от одного вида девчонки?.. Нет, даже о мыслях не могу её называть девчонкой. Ещё больше чувствую себя старым извращенцем.

Впрочем, Беяна для меня, того далеко не молодого человека, который провалился во времени, также в дочери годится, а в нынешнем моём облике так вроде бы даже Беяна и на год или два старше. Но до конца принимать свою нынешнюю сущность я пока не научился.

– Ты откуда славянское наречие знаешь? – спросил я.

– Так, воспитывалась я больше матушкой своей, Еленой Годемировной, дочерью ближнего боярина князя Переяславского. Князь тот отдавал дочь свою за хана кипчакского. Так и матушка моя пошла за княжной – подругой. А нынче... – было видно, как резко игривые глаза девушки наполнились болью и горестью. – Нечего мне откровенничать с тобой. Ты вон в дерево хоть бы попал раз. Что за ратник, коли вкось и криво стрелы пускаешь!

Вновь глаза девушки загорелись ярким пламенем, и она залиvisto рассмеялась.

– По что лук берёшь, коли не ведаешь, с какой стороны стрелу укладывать? – сказала она, заливаясь смехом.

А вот это было ударом по моему самолюбию. Значит, она здесь уже достаточно давно и наблюдает за мной. Может, поэтому я сегодня ещё ни разу и не попал? Чувствовал же, что вроде бы кто-то наблюдает за мной.

– Я також посмеюсь с тебя и с твоих мужей, когда отпущу вас в лес да Лешему накажу, как бы крутил вас. А ещё... коней заберу ваших, – говорил я и внутренне сжимался.

Ну как же так? Ведь наш разговор сейчас напоминает больше беседу мальчика и девочки в песочнице. Правы те, кто утверждает, что влюблённые обязательно хоть немного, но сходят с ума. Или уж точно начинают вести себя неадекватно, вопреки логике и здравому смыслу.

В прошлой моей жизни у меня как-то не получились бурные отношения. Вообще всё буднично произошло, и женился я без каких-либо ухищрений и ухаживаний. Мимолётно познакомились в поезде. Она – ехала в институт, а я – в военное училище. Писали друг другу письма, когда я был на казарменном положении, и нас разделяли сотни километров.

А при первой же встрече, как полухутя и писали в письмах, пошли, да подали заявление в ЗАГС. У родителей Машки были связи – нас расписали почти в тот же день. Вот и вся история любви. Хотя нет, любили мы друг друга до самой моей смерти. И никогда по сторонам я не смотрел.

Так что можно сказать, что опыта общения с женщинами я практически никакого и не имею. С чужими женщинами. Ну, кроме как по-дружески общался. Хотя, хватало моментов в жизни, но я постоянно сдерживался, будто бы что-то или кто-то отворачивал меня от измены.

– Ну, если ж ты узрела, что дурно я стреляю с лука, так научи. Некогда, как сказывают, я был одним из лучших стрелков Рязани. А после, как, почитай, в бою сгинул, да заново ожил, многому разучился, – сказал я, словно бы парень в пубертатный период, всем своим видом моля, чтобы у меня появился такой вот наставник, тем более вот такой.

Танаис вновь серьёзно на меня посмотрела.

– Ты сражался супротив чингизидова внука? И сколь его шакалов ты изрубил? – девушка сжала зубы и говорила с такой ненавистью, что даже я ощутил эту боль внутри неё, которую она хочет спрятать за своими шутками и забавами.

Хотелось похвастаться. Малец, сражающийся в моей голове со взрослым адекватным человеком, явно хотел приукрасить подвиги, а может, и сочинить какие небылицы, чтобы только удивить девушку.

– Многих, – скупно ответил я.

– Иной бы стал похваляться. Сказал бы, что и десяток, и два изрубил врагов, – вроде бы как похвалила меня дочь половецкая.

Внутренне усмехнулся. А ведь, действительно, может, не два десятка, но около этого – я и мой реципиент – врагов убили.

– Ну, будет... Ты стоишь неправильно, – сказала Танаис.

А я и не сразу понял, что начался урок по стрельбе из лука. Да уж, образа альфа-самца и превозмогатора из меня не вышло. До чего дошло? Меня, главу поселения, дружинного десятника, девица учит стрелять из лука!

Как бы мне ни хотелось, чтобы эти уроки продолжались дольше, через полчаса мне пришлось завершить наше занятие. Да и наше общее отсутствие долгое время кидало тень на некоторые обстоятельства. Ещё подумают чего... Впрочем, пусть бы и думали, но в этом случае мне где-то жаль Татьяну... Танаис.

Как мне кажется, женщины моего поселения будут готовы мириться с тем, чтобы рядом со мной была кто-нибудь из них, но точно окрысится на Таньку. Тьфу ты... Танаис.

– Мы хотели бы пока остаться при вас, – сказала девушка. – Это возможно?

Я было возликовал, но вновь победил, ну или временно уgomонил внутри себя влюбленного юношу.

А можно ли? Разве же не этого я хотел, что бы поселение крепло? Этого. И по всему выходит, что Воины мне нужны. Та же Танаис явно не уступает в искусстве стрельбы из лука Лихуну. И это уже боевая единица, ну если относится к девушке предельно рационально, без лишних эмоций. И с ней еще три бойца.

При таких раскладах, не выходит ли, что мы становимся не слабее соседей-бродников? Весьма вероятно.

– А готовы ли вы постоять за меня? Али жить какое-то время желаете, а выплатить положенное, в том числе и воевать, – нет? – спрашивал я.

– Готовые и ратиться, – высоко подняв носик, горделиво сказала девушка.

Руководствуясь внезапно обрушимся потоком эмоций, я подошел к Танаис, приобнял ее, и... Какие же сладкие ее уста!

– Ай! – усмехнулся я, когда девушка сперва подалась на мой поцелуй, а потом укусила губу.

Но сперва же подалась!

– Ты! Да как смеешь! – засуетившись, ворочая головой из стороны в сторону, разметая свои чернявые волосы, девица искала где оставила свой лук.

– Вот это ищешь? – усмехнулся я. – Не убить же ты пожелала меня, за то, что посчитал тебя первой пригожей за всех?

– Не для тебя ягодка созревала! – буркнула девушка.

– Может и не для меня. То жизнь покажет, – сказал я, делая шаг на встречу.

– Не подходи! – сказала девушка, извлекая нож и направляя его на меня.

– Лук свой забери. И можете оставаться, пусть Глеб Вышатович подойдет, оговорим с ним условия. Что до тебя... По нраву ты мне. Но без твоего желания, более не приближусь. На том мое слово. А губа моя заживет, сама захочешь, приходи... Уж больно сладки твои уста, – сказал я, передал лук девушке, отвернулся и пошел в поселение.

– Вжух! – пролетела с метра от меня стрела.

Захотела бы, попала в спину. Она может, хорошо стреляет.

– В наступный раз я убью тебя! – выкрикнула Танаис.

– Тебе не простят этого наши общие дети! – отшутился я.

Стало спокойнее, поймал свою волну, уже не так давил пубертат на мозг. Хотя... Ну и впрям уста у нее сладкие, такие невинные, неумелые. Чертовка, да и только!

Я направился на поселение. Урок от Танаис был усвоен и что-то даже начало получаться. По крайней мере, в статичную цель, при условии, что не стану забрасывать тренировки, уже через неделю буду стабильно попадать. А там, гляди и частью вспомню навыки, а частью наработаю.

Появилась у меня ещё одна завиральная идея. И для этого мне нужен... как это ни странно, но ювелир.

И нет, я не собираюсь заказывать у ювелира какие-либо драгоценности для подарка Танаис. Наверное, было бы странно заплатить девушке всего лишь за один урок или мастер-класс по владению луком сразу же драгоценностями. Ну а платить за «кровавый поцелуй»,

когда она прокусила мне губу, еще более ущербное решение. Я, конечно, под большим впечатлением от девчонки, но не настолько же голову потерял.

Я хотел создать задел на будущие диверсионные операции.

– Смотри! – сказал я нашему ювелиру, который сейчас кто угодно: дровосек, сортирокопатель, рыбоскладальщик, но не представитель той профессии, которая должна была бы его не просто кормить, а закармливать.

Я протягивал медную пайцзу.

– Вот точно такую же, но серебряную сделать сможешь? – спрашивал я и поспешил добавить: – Только никому об этом знать нельзя.

– А чем платить за работу? – включил торгаша мастер.

– Ну не медью. Может, шубейку тебе не бобровую, а лисью дам или даже соболиную.

Плата великая – абы дело спорилось и сладилось так, как мне потребно, – сказал я.

В голове крутятся мысли, как можно было бы использовать серебряную разрешительную табличку от монголов. Конечно, есть много условностей, о которых даже я знаю, но наверняка не обо всех. К примеру, нужно обязательно знать, сослаться на того хана или темника, который якобы выдал эту самую пайцзу. И тут можно нарваться на неприятности. Уж серебряную пайцзу многие монголы должны знать кому она выдана. И тут нужно козырять именем или кого из Чингизидов, или других темников.

Но лучше, чтобы эта подделка у меня была, чем её не было. Когда настанет время и придёт час расплаты и бурной диверсионной деятельности, мне такой артефакт пригодится.

– Сделаю, – спокойно ответил ювелир. – Сложно будет, так как у меня нет ничего из нужного, даже инструмента, но сделаю. За соболиную шубу и двойную долю еды...

– Ты не наглей! – усмехнулся я.

– Тогда за шубу! – согласился мастер.

Дальше день прошел в работе, тренировках. Удавалось забывать тот поцелуй и тот растерянный вид Танаис, который она демонстрировала мне в лесу. Рабочий пот – он вышибает дурь.

А потом я пошел к себе, в новый дом. И тут была женщина, которая во всем хороша, красива, не глупа, хозяйственная, судя по тому, какая чистота была в доме. Но... Вот чего еще не хватало? А ведь не хватало же!

– С чего ты пригорюнился? – спрашивала Беяна.

И что ей ответить? Что был с ней, а думал о другой? Такая история для меня, человека уже изрядно пожившего, не просто в новинку, а в диковинку.

– Ты был со мной, а словно бы и не было тебя рядом, – чуть ли не плача сказала женщина, с которой я хотел забыть другую женщину.

Мы лежали на кровати, на мягкой соломе, поверх которой были положены сперва шерстяная ткань, а после и шёлковая.

Небо было пасмурное. Если бы я находился в своём шалаше, то, конечно же, ничего бы и не видел. Но здесь, в доме Власта, в его уже бывшем доме, было сразу два очага, сложенные из камней и обмазанные глиной. Они давали достаточно тепла, чтобы лежать вот так, не укрываясь, имея возможность рассмотреть тела друг друга. Для этого же и был свет – приглушённый, тусклый, но долженствующий ещё больше навевать романтизма, наделяя таинство близости мужчины и женщины особым флёром.

Нет, ничего этого не было. И я изрядно нервничал по этому поводу. Ну вот же она – истинная красотка, податливая, неискушённая в любви, готовая угодить, сделать время пребывания с ней незабываемым.

Ведь всё складывается. И Беяна действительно умница. Но... как там в народе говорится? «Любовь зла, полюбишь и козла?» Козла я не полюбил, Бог миловал. Но вот, похоже, что одна «козочка» мне точно приглянулась.

Сходить, что ли, к бабке Ведане да попросить какой-нибудь отворот? Ведь совершенно очевидно, что вот в этой своей страсти к Танаис я, скорее, приобретаю проблемы, чем решаю их. Не верю в это. Но мало ли...

Головой понятно, но другие части моего тела, как, похоже, и душа, уже мало мне подвластны.

– А можно я переселюсь к тебе? – просто и непринуждённо спросила Беяна. – С сыном.

Наивная простота. А может быть, и нет? Вот сейчас думаю, что ответить, и не нахожу. Как я могу отказать женщине с ребёнком пожить в достаточно просторном доме, который для себя строил мятежный архитектор? Да будь я трижды главой поселения, но как-то совесть не позволяет занимать такие жилые пространства, когда другие спят спиной к спине.

– Да, ты можешь приходить с сыном и здесь жить, – ответил я. – Но помнишь ли наш уговор?

Она кивнула в знак согласия. И этот кивок явно дался женщине нелегко.

– Ты можешь здесь жить, но супружничать более мы не будем, – сказал я, поднимаясь и натягивая шаровары.

Я не видел, но чувствовал, что Беяна сейчас плачет. Никогда в своей жизни – ни в этой, ни в прошлой – я не был в таком состоянии, когда мне приходилось отказывать женщинам. Так повелось, что в прошлой жизни сердце было занято: повстречав однажды девушку, я связал с ней свою жизнь.

Может быть, это и уникальный случай, но, несмотря на многие мои отлучки, командировки, иных женщин у меня не было. Да и мой организм столь бурно никогда не требовал близости с женщиной. Сейчас же я испытываю просто ураган эмоций, с которыми сложно совладать даже сознанию изрядно пожившего человека.

Светало. Правда, из-за пасмурного неба сложно было рассмотреть очевидные проблески рассвета. Я сидел на лавке за столом, которые ранее были сооружены также Властом. Хорошо он всё-таки обустроился. Жаль, что приходится учить уму-разуму этого человека, который, действительно, талантливый строитель.

– Дозволишь, голова? – задумавшись над бранным бытием, а на самом деле так и ни о чём, я не заметил, как подошёл Мирон.

Это тот самый мужик, которого мы спасли, когда монголы оставили его умирать, проломив череп. Он удивительно быстро шёл на поправку. Да здесь вообще удивительно быстро выздоравливают. Уже и Лихун, по крайней мере, нужду свою справляет самостоятельно, выходя из дома.

– Решил наконец рассказать, кто ты? – пустым, словно бы отрешённым голосом спросил я.

– С чего ты решил, что я скрываю о себе тайну? – с удивлением в голосе спросил Мирон.

На самом деле, я лишь только слегка подозревал, что этот мужик не простой. Это потом можно было увидеть, когда его лечила Ведана и он находился без чувств, что тело мужика тренированное, такое, как может быть у настоящего воина. И можно было ему и дальше гнуть свою линию, что он кузнец, но я видел прежде всего воина, пусть и изрядно схуднувшего.

– Говори! – сказал я.

Даже не потребовал, а просто сказал, так как чувствовал себя опустошённым, уставшим, выгоревшим.

Мирон молчал. Я его не торопил.

На самом деле, меня бы более чем устроило то, что Мирон оказался бы кузнецом. По крайней мере, когда произошло знакомство с ним, он таковым и представился. Утверждал, что из Гомеля, вёз рязанскому князю заказ на оружие. В основном топоры, с десятков мечей, наконечники копий и пять пластинчатых доспехов.

Мирон говорил вполне убедительно. Однако это бабка Ведана, видимо, вселила в меня сомнения. Всё повторяла:

– Зла от него не чувю, но он лжёт.

И как бы я ни отстранялся от всего этого мистицизма и ведьмовства, но все вокруг верили Ведане. Прислушивался к ней и я.

– Мирон, мне тайны на поселении не нужны. Я спас тебя, мы делились с тобой лучшей едой. Дети меньше молока пили, чем ты. Так что говори, если есть какой камень за душой. Пользы от тебя пока нет никакой. Я должен знать, чем ты выгоден мне и поселению, – немного раздражаясь, и даже радуясь этому, говорил я.

Да, я даже порадовался негативным эмоциям. Складывалось ощущение, что настолько опустошён, что не могу ничего чувствовать. И как жаль, что я не обладаю какими-то способностями, которые бы отличали меня от других людей. И я устаю, как и другие, рефлексирую, а хотелось бы этого избегать. Правда, собирался заниматься самокопанием лишь до того момента, как прозвучит побудка на поселении и начнётся новый день, новая работа. Все же получалось брать себя в руки.

– Я подручный князя Ярослава Всеволодовича, – признался Мирон.

Я, конечно, этим фактом заинтересовался, но не понимал, в чём же здесь такая большая тайна.

– Князь Ярослав Всеволодович зело желал взойти на стол Владимирский. Оттого я раз-знавал всё о князе Юрии Всеволодовиче, его сынах...

– И что с того? – спросил я.

Было бы глупо и недальновидно со стороны Ярослава Всеволодовича, если бы он оставил без внимания своего брата. Ведь согласно лествичному праву, именно Ярославу положено наследовать Юрию. Вот и присматривает за своей вероятной вотчиной.

– Так-то оно есть... Зело разумно – кабы приглядывать за тем, что наследовать можешь. Токмо...

– Ты если взялся говорить, то продолжай! – сказал я.

Уже было видно, что поселение просыпается. А мои глаза то и дело смотрели на холм, возле которого разгорелся огонь. Значит, уже и там проснулись наши гости. Гостья. И может быть она сейчас вспоминает наше общение в лесу?

– В разговор Ярослав вступил с ордынцами. Просит их отдать ему опосля разорения Владимиро-Суздальскую землю. И с новгородцами тут же уговаривается, кабы Новгород без злодеяний ордынцев оплачивал дань им. Кабы не пошли они на Новгород.

С меня тут же сошло всё наваждение. Все эти переживания, что только что я ощущал, вмиг показались чем-то несущественным. Даже встал.

– Говори дале! – жёстко потребовал я.

– Так всё... Искали у меня ордынцы табличку медную. А тот сотник ордынский, который схватил меня, и слушать ничего не хотел. Притом, что был у него толмач, – Мирон продолжал говорить, будто бы на исповеди. Или нет – словно у следователя даёт чистосердечное признание: – Узрел я то злочинство, которое творят ордынцы. Не могу держать более в себе это. Воля твоя – как ты поступишь.

Как-то пока я не готов вступать в большую политику, осуждать, или поддерживать того же Ярослава. Хотя, у меня были мысли по нему и в прошлой жизни. Что-то не чистое было за душой Ярослава, все указывало, что, хоть и частью, но он предал Русь. А его сын... Александр Невский так же противоречивая фигура.

И что мне делать с такой информацией? А пока что и ничего. Усиливаться нужно, чтобы иметь возможности. Вот этим и займусь в плотную.

Глава 6

Плешивая гора

6 января 1238 года

Субедей сидел в своём шатре и пребывал в печали. Конечно же, этого своего настроения он никогда не покажет подчинённым. Что такое воинский дух и насколько на него имеет влияние настроение командующего, пожилой монгольский военачальник знал прекрасно.

– Старею ли я? – сам себе задал вопрос Субедей.

Было с чего спрашивать. Пожалуй, впервые за время этого нашествия на Русь багатур и темник, возвращённый ещё романтическими образами войны, нашёл, кого пожалеть. Ему на самом деле было жалко убивать боярина, который смог вокруг себя собрать большое количество войск, бросить вызов всему войску монголов и их союзников. Смело, отчаянно, самопожертвованно, как некогда поступал и сам Субедей.

И ладно бы, если этот вызов был бы безумным, не подтверждённым хоть какими-то существенными действиями и мотивами, кроме как умереть. Евпатий Коловрат, на самом деле, притормозил операции монгольского войска. И будь русичи расторопнее и чуть более дружелюбны между собой, что очень сложно пришлось бы монголам. Может быть и на соглашение пошли бы. Ведь цель – это не захватывать лес. Цель – всю степь покорить. А для этого нужно идти в Венгрию.

Конечно, Бату-хан никогда не признается своим родственникам, чингизидам, что остановился вынужденно, так как нет никакой возможности и очень опасно продолжать наступление, когда на хвосте монгольского войска висит столь многочисленный отряд успешно воюющих русичей.

Так что вроде бы как монголы проводят перегруппировку, формируют караваны и отправляют их глубоко в степь к стойбищам. На самом же деле Бату выжидает, когда его военачальник, опытный, но не растерявший свою сноровку, Субедей решит, наконец, вопрос с почти полуторатысячным отрядом мстителей.

Первая попытка уничтожить отряд рязанцев закончилась крахом. Почти что тысячу своих воинов потерял Субедей. Но понял, что без машин взять боярина Коловрата нельзя.

– Хозяин, пришли ваши боевые зодчие, – сообщил русский раб.

– Напой их чаем, а потом пусть зайдут, – сказал багатур.

«Жаль тебя убивать будет, уж больно смышлённый оказался», – подумал Субедей.

В какой-то момент он даже думал сделать из этого русского раба ещё одного себе помощника. Однако Лепомир справлялся со своими обязанностями более чем хорошо, и багатур был им доволен. Видеть же вокруг себя множество помощников из русичей военачальник не стремился.

Субедей уже успел убедиться, что среди русских достаточно немало людей, которые любят свободу и готовы за неё драться. Он для себя решил, что нужно обязательно ломать через многие смерти этот народ. Нечего жалеть тех, которые могут, как и монголы, жить свободой.

– Их нужно починить и направить их силу для пользы потомков Великого хана, – вслух произнёс военачальник.

Он не разучился мечтать, фантазировать. Багатур, несмотря на свой уже почтенный возраст, всё ещё мало отличался от того кузнеца, который вместо уважаемой профессии, почти что беззаботной жизни, выбрал войну и пошёл за Великим ханом. Те порывы, которые испытывал Субедей в молодости, лишь обросли опытом и удивительным образом наложились на здравый смысл и мудрость военачальника.

Так что он мечтал, чтобы русичи вошли в состав Великого ханства, и русские ратники, которые вот так героически умеют сражаться, бок о бок с монголами, конечно же под властью

Степного народа, бились на самых окраинах Великой степи – с венграми, ну а после продолжили покорять китайцев.

Эта мечта противоречила тому, что сейчас происходило. Завоеватели не щадили тех, кто поднимал свой меч и стремился защититься. Всех этих вольнолюбивых людей уничтожали не жалеючи, чтобы следующее и последующие поколения оставались покорными и с ужасом думали о том, что Степь обязательно вернётся, если только перестать платить дань.

Багатур усмехнулся. Он представил, как сейчас китайский инженер Ли Сучен и арабский его коллега, Мухаммед ибн Саид, пьют ненавистный для всех, кроме монголов, чай. Это нужно еще привыкнуть, или родиться монголом, чтобы пить напиток, который становится тягучим из-за большого количества добавленного в него жира, а порой и крахмала.

Но багатур всегда поил этим напитком своих подчиненных и гостей, лишний раз демонстрируя, кто властен над людьми. Они делают то, что не сделали бы никогда, если бы не были вынуждены.

Но через десять минут оба инженера стояли в низком поклоне на входе в походную юрту багатура.

– Сколько времени вам нужно, чтобы достроить наконец камнеметы? – строго спрашивал Субэдей.

Оба инженера переглянулись. Они уже давно работают в паре и смогли соединить инженерное искусство, создавая для монголов нечто особенное – то, чем ещё не могут похвастаться даже арабы или китайцы, но по отдельности.

– Дай нам, Великий багатур, ещё два дня, – отвечал за двоих Ли Сучен, лучше владеющий монгольским наречием.

– Уже сегодня вечером у меня должно быть два камнемета. Ещё десять вы доделаете за два дня, – спокойным тоном сказал монгольский военачальник.

Практически синхронно оба инженера сглотнули подступивший ком к горлу. Такой спокойный, даже, казалось бы, и дружелюбный тон багатура отнюдь не означал, что можно возражать или же рисковать и не сделать в срок требуемое.

Таким же, казалось бы, безразличным взглядом Субэдей уже не раз смотрел на то, как разрывают нерадивых исполнителей конями, или в горло льют раскалённую медь.

– Если завтра два комнемета не будут готовы, а еще пять достраиваться, вы будете разорваны лошадьми, – спокойно сказал темник.

Но оба инженера сглотнули подступивший ком к горлу. Все знали, что Субэдей не кричит, но он может спокойно, с хладнокровием или с безразличием, и сам привести приговор в исполнение. И словами этот старик никогда не бросается.

* * *

Поселение

6 января 1238 года

Я смотрел на Мирона, не мог понять, что мне делать с тем, в чем он признался. Да, задачка! Информация была такой, что историки из будущего жизнь бы положили, лишь бы только узнать подобное.

Как-то совсем иными красками заиграла роль Ярослава Всеволодовича в русской истории. Да и его сына – святого Александра Невского. И всё это нужно было обдумать, и уж явно на менее замутнённую голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.